

УДК 81'27

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Кузнецова Т.В.

Актуальность. В современном мире все активнее происходит межкультурная коммуникация, которая, с одной стороны, открывает новые возможности для коммуницирующих культур, а с другой – создает преграды на пути к их самосовершенствованию и саморазвитию. То же самое происходит и в языковом пространстве, которое, безусловно, неотделимо от пространства культурного.

Постановка проблемы. Изучая языковую ситуацию многих стран, лингвисты мира бьют тревогу: языковое разнообразие планеты стремительно сокращается. Как считает Кристиан Леман, число языков мира самым большим было в XV в., т.е. до колонизации Африки, Америки, Австралии. Проф. Тишенко для Лингвистического музея при Киевском национальном университете им. Тараса Шевченко собрал такие данные: в одной только Южной Америке в результате колонизации в XVII-XX вв. исчезло 1400 языков, в Северной Америке «цивилизационные процессы» закончились исчезновением в XVIII-XX вв. 170 языков, в Австралии в XIX-XX вв. исчезло 375 языков, в Советском Союзе за 70 лет погибли 70 языков. Ежегодно исчезает около 12 языков! По оценкам экспертов, к концу XXI в. из 6000 языков уцелеет только 10% языков [4, с.124]. Впрочем, тревогу вызывает не только угасание «больных» и «исчезающих» языков, но и сужение сфер использования «здоровых» языков, в том числе языков международного общения и великих культур, вследствие экспансии мировых языков, особенно английского.

На сегодняшний день английский язык приобрел статус глобального, планетарного. Его знает примерно 1,5 млрд. человек, т.е. каждый четвертый! Хотя, по данным Д. Кристала, родным он является только для 320-380 млн. По данным Института мирового слежения, его активно используют 514 млн. [7, с.151]. Английский является государственным языком в 54 странах. Именно он – язык современных научных технологий, транснациональных компаний и концернов, массовой культуры.

В современный период практически не осталось языка, который не испытал бы на себе влияния английского. Сегодня англицизмы наполнили не только терминологические системы различных языков (ср.: (рус). *демпинг, брокер, букмекер, ваучер, аудит, генерация, суицид, промоушн*; и все это при том, что в национальных языках очень часто существуют собственные языковые соответствия, ср.: *масс-медия – СМИ, аудит – проверка, плеер – проигрыватель, генерация – поколение, мэр – глава, суицид – самоубийство*), но и насытили даже жаргонную

речь (*кайфовать, по фиг, панк, дринки, баксы*), проникли в СМИ многих стран и народов (например, используются слова, которые еще не зафиксированы словарями: *папарацци* – «фотограф, который специализируется на сенсациях», *клипмейкер* – «изготовитель коротких музыкальных фильмов для телепоказа», *китч (кич)* – «направление в искусстве»), стали заметным явлением уличного пейзажа многих городов (например, в Киеве можно встретить англоязычные названия фирм, магазинов, которые записаны не только латиницей («*Sony*»), но и кириллицей: «*Нью винд*», «*Бест лайн*», «*Компьютерленд*»). Как свидетельствует В. Радчук, часть англицизмов в русском и украинском языках вырастает за несколько лет на целый отдельный словарь [7, с.155]. Если английский язык и дальше будет с такой стремительностью проникать в разные языки, то можно будет говорить о возникновении глобального языкового пространства.

Но вместе с тем в самом английском языке, языке планетарного значения, кроме глобализации, прогрессирует противоположная тенденция – локализация. Известно, что в Лондоне говорят примерно на 300 языках, в Лос-Анджелесе – на 224 языках (в школах преподают 91 язык!), а в разных странах глобальный язык представлен громадным количеством территориальных вариантов.

Наличие различных вариантов национального языка, несмотря на активную англоязычную глобализацию, свойственно и многим другим языкам. Говоря о современном украиноязычном пространстве, нужно отметить широкое распространение в различных регионах страны своеобразного варианта украинского языка – суржика. Причем нужно обратить внимание на существование различных его видов. Украинский культуролог Тарас Вознюк указывает на существование «целой гаммы суржиков в восточных регионах Украины... Конечно, суржик существует вроде в тени языка, в чем-то является несамодостаточным, но онтологически он выполняет функцию языка – является основой мира человека. ...суржиковые варианты стали языком для миллионов людей, и мы должны относиться к ним серьезно, ибо, судя по всему, будем иметь с ним дело еще очень долго, и со временем они даже могут стать продуктивными, а может, даже трансформировать в своеобразные диалекты». Наиболее распространенная форма этого субкода – украинско-русский суржик, который представляет собой вариант украиноязычной речи, содержащий большое количество заимствованных русских лексем, которые оформлены согласно нормам украинского языка, например: *селі, по распісанію, не понятно, на следующий день, розмовляють на українськом, сімейне общежитіє* (детальный анализ этого своеобразного субкода см.: [3; 5; 8]). В восточных регионах Украины да и за ее пределами можно услышать русско-украинский суржик (по которому в России легко узнают украинцев). В средствах массовой информации, кроме вкраплений украинско-русского суржика, иногда наблюдается использование пиджино-суржика – смеси украинского, русского и английского языков (ср. объявление: «*Розшукуються б/у картриджі від принтерів*»; «*Sanda (вірус) поширюється через Інтернет у вигляді файлів, прикріплених до заражених листів*» („Голос України», 2003 р., 4 квітня); иногда журналисты активно используют подобную языковую смесь и коммуникативно-прагматических целях: например, О. Гаврош один из своих материалов назвал «*Экономическая Propaganda*».

тем самым актуализируя фоновые знания читателей о механизмах паблик рилейшнз). Использование различных вариантов украинского языка поддерживается традицией, активным влиянием русского языка, что обусловлено многими историческими, географическими и социальными факторами.

Вместе с тем локализация как лингвистическое явление существует не только на уровне территориальных вариантов национальных языков, но и на уровне каждой социальной группы, начиная с семьи и заканчивая этносом в целом. Почти в каждой социальной группе можно отметить использование особых вариантов одного и того же языка – социолектов. Например, в речи многих семей можно выделить оригинальные речевые единицы, характерные только для этой семьи – «семейные» слова и выражения, в роли которых могут выступать эмотивы (*лана, масюся, свинтусячка*), деформированные заимствованные слова (*сенька* от англ. *thank you*, *стикать* от англ. *speech*, *бездник* от англ. *birthday*), различные модифицированные формы общеизвестных слов, образованные в результате метатезы (*кошолад* – *шоколад*, *футли* – *туфли*, *фаршик* – *шарфик*, *наловочка* – *наволочка*, *лапотенце* – *полотенце*, *кандараш* – *карандаш*, *сабо самой* – *само собой*), протезы (*тексты* – *тесто*, *покушкать* – *покушать*, *сыпасибо* – *спасибо*), субституции звуков (*пумадор* – *помидор*, *мяню* – *меню*, *прювет* – *привет*), усечения (*буля* – *бабуля*, *харики* – *сухарики*, *звявочка* – *козявочка*), контаминации (*списатель* – *списать* и *писатель*, *макавички* – *мамины рукавички*).

Более интенсивно, нежели в семье, речевой символизм проявляется в речи других социальных групп, объединенных на основе профессиональных, культурных признаков. Существование подобных слов и выражений в первую очередь обусловлено социальным и психологическим расслоением общества. По мнению Р. Барта, социальное разделение языков существует не на уровне языковой системы, которая понятна всем, а на уровне дискурса и его разновидностей [1, с.525-527]. Своим носителям социолект выгоден прежде всего тем, что защищает их; языковая ограда, как и любая другая, укрепляет и ободряет тех, кто внутри ее, отбрасывает и принижает тех, кто вне [1, с.531]. Эта лексика указывает на особые отношения, которые устанавливаются в узком корпоративном кругу, например на отношения сопринадлежности к социальной группе, тонко подмеченные Е.Д. Поливановым: «...Когда ученик говорит «нафик» или «напсик» вместо «зачем», он ведь мыслит в качестве коммуницируемого комплекса идей не только переводное значение слова, (т.е. значение «зачем» и «почему»), а еще кое-что. И если попробовать передать «кое-что», то это окажется следующего приблизительно содержания мыслью – мыслью, содержащей характеристику обоим участникам языкового обмена (диалога): «Оба мы с тобой, дескать, хулиганы или, вернее, играем в хулиганов» [6, с.163]. Таким образом, употребляя в речи специфическую лексику, носители социолектов постоянно подтверждают факт соблюдения ими «правил игры» своей социальной группы, манифестируют отношения «мы – свои».

В условиях современной межкультурной коммуникации каждый член любой социальной группы должен соблюдать «нормы поведения» в своем коммуникативном поле. Усваивая ценности своего социума, языковая личность сможет не только сохранить его культурную и языковую самобытность, но и

противостоят мощному влиянию иноязычной культуры и языков, не допустив их негативного вмешательства в пространство родной культуры и языка.

Выводы. Таким образом, конструирование современного коммуникативного пространства, в котором противодействуют явления глобализации и локализации (как на уровне языка, так и на уровне социальных групп), зависит не только от внешних социальных факторов (политики, истории и т.д.), но и от внутренних побуждений самой языковой личности, которая в данной ситуации выступает посредником между своей/чужой культурой и языком.

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1989.
2. Кочерган М.П. Мова як символ соціальної солідарності // Мовознавство. – 2003. – № 1. – С. 3-10.
3. Кузнецова Т.В. Суржик і мовлення // Урок української. – 2000. – № 3. – С. 20-25.
4. Мечковская Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. – М.: Изд-во «Флинта», Изд-во «Наука», 2001.
5. Пентиліук М.І. Вивчення української мови в школах з російською мовою навчання. – К., 2000.
6. Поливанов Е.Д. О благном языке учащахся и о «славянском» языке революции // Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание. – М., 1931.
7. Радчук В. Українська мова в колі інших на зорі третього тисячоліття: перспектива розвитку // Мовні конфлікти і гармонізація суспільства: Матеріали наукової конференції. – К.: Видавничо-поліграфічний центр „Київський університет”, 2002. – С. 150-160.
8. Труб В.М. Явище «суржику» як форма просторіччя в ситуації двомовності // Мовознавство. – 2000. – № 1. – С. 46-58.

Поступила в редакцію 27.02.2006 г.